

Морок Тишина

18+

Клепиков
Василий
Сергеевич

Морок

Клепиков Василий

Морок: Тишина

«Автор»

2026

Василий К. С.

Морок: Тишина / К. С. Василий — «Автор», 2026 — (Морок)

Она научила её видеть Морок. Но не заметила, как тьма проникла в сердце ученицы. Два года Ева воспитывала Миру девочку с меткой, свою тень, свою надежду. Вместе они ловили отражения, говорили с сущностями, спасали город от русалок, полевиков и упырей. Ева верила: любовь и забота выжгут тьму, которая таилась в ребёнке с самого начала. Она ошибалась. Теперь Мира ушла к Чёрту. Её совесть усыплена пением Алконоста, руки сжимают нож Северова, а в глазах пустота. Чтобы вернуть девочку, Еве придётся пройти сквозь самое тёмное капище, встретиться с Лихом, которое показывает будущее, и заплатить цену, которую не выдержит никто. Но платить будут все. Кикимора, собиравшая зелёные кристаллы двести лет, отдаст их Мороку. Ева свой позвоночник. А Мира последние крохи человечности, что в ней остались. «Морок: Тишина» финал серии о цене спасения. Никаких чудес. Только холод, боль и упрямство жить, когда надежда умерла. надежда. Я не верю в неё. Но я буду грести, пока руки двигаются.

© Василий К. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Два года спустя	5
Глава 1. Лихо Одноглазое	7
Глава 2. Ломбард Кузьма	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Клепиков Василий

Морок: Тишина

Пролог. Два года спустя

Солнце только начинало пробиваться сквозь мутные стёкла, когда Ева поставила на стол тарелку с блинами. На кухне пахло маслом и чем-то сладким Кикимора умудрилась стащить банку с вареньем и теперь сидела на подоконнике, вылизывая лапы с видом оскорблённого достоинства.

Ты хоть ложку взяла бы, сказала Ева, разливая чай.

А зачем? Кикимора облизнулась. Лапы чище.

Мира сидела напротив, подперев щеку кулаком, и смотрела на блины сонными глазами. Ей было девять уже не ребёнок, но ещё не подросток. Ева помнила тот день в подвале, когда нашла её. Грязную, худую, с глазами, полными тоски. Два года прошло. Мира окрепла, вытянулась, а её метка на предплечье стала ярче тонкая красная линия, которая иногда пульсировала в такт чужому дыханию. Ева иногда ловила себя на мысли, что эта метка похожа на ту, что была у неё самой в детстве, но нет, в Мириной было что-то другое. Более тёмное. Она отгоняла эту мысль.

Мам, можно я съем тот, с краю? спросила Мира.

Ева замерла на секунду. Не привыкла. Мира звала её «мамой» уже полгода, но каждый раз это слово отдавалось где-то в груди больно и тепло одновременно.

Можно, ответила Ева, отодвигая тарелку.

Кикимора фыркнула, прыгнула с подоконника, подбежала к столу и ловко стянула блин прямо из-под носа Миры.

Эй!

Я тоже есть хочу, проскрипела Кикимора, шустро забираясь на плечо Евы. Между прочим, я тут самая старшая.

Самая старая, поправила Ева.

Одно и то же.

Мира засмеялась. Ева тоже улыбнулась уголками губ, не разжимая рта. Она давно не смеялась в полный голос. Не умела. Но эта тихая, почти невесомая радость от того, что они сидят вместе за одним столом, была дороже любого смеха.

Сегодня будем учиться видеть отражения, сказала Ева, убирая посуду. Вчера ты неплохо справилась с полтергейстом.

А можно мы не будем учиться? Мира надула губы. Я хочу на речку.

На речку успеем. Сначала дело.

Какое дело?

Ева кивнула на окно. За стеклом, на карнизе, сидел ворон и смотрел на них чёрным блестящим глазом. В клюве он держал записку, свёрнутую в трубочку.

Похоже, кто-то нас зовёт.

За неделю они разобрались с двумя мелкими делами полтергейст в подвале, пропавшая кошка, но Мира становилась всё молчаливее. Ева списывала это на усталость.

Ночью Ева не спала. Она сидела на кухне, пила остывший чай и смотрела в окно. За стеклом чернела река, и на её гладкой поверхности, в отражении, ей иногда чудились лица. Тех, кого она не спасла. Тех, кто ушёл.

Раздался тихий скрип Мира выскользнула из комнаты и направилась в прихожую. Ева замерла, не подавая голоса. Мира подошла к сейфу, который Ева встроила в стену, и набрала код. Откуда она знала код? Ева похолодела.

Мира достала маленький чёрный камень один из тех, что Ева конфисковала после случая с упырём. В свете луны камень пульсировал слабым зелёным светом. Мира смотрела на него, не мигая, и губы её шевелились она что-то шептала.

Мира, тихо позвала Ева.

Девочка вздрогнула, быстро сунула камень в карман и обернулась. В её глазах на секунду мелькнуло что-то чужое слишком взрослое, слишком тёмное. Но она тут же улыбнулась, и видение исчезло.

Не спится, сказала Мира. Ты меня напугала.

Что ты делала?

Ничего. Просто смотрела.

Ева хотела сказать: «Отдай». Отобрать силой. Но Мира смотрела на неё не испуганно, а выжидающе, и в этом взгляде было что-то, отчего у Евы сжалось сердце. «Потом, сказала она себе. Завтра поговорю». Она не отобрала камень. И уже никогда себе этого не простит.

Ложись спать, сказала Ева. Завтра трудный день.

Мира кивнула и ушла в свою комнату. Ева проверила сейф все камни были на месте. Кроме одного. Мира взяла только самый маленький. И Ева позволила. В окно стучал дождь. Ева подошла к стеклу, провела пальцем по мокрой поверхности. За ним, в отражении, река казалась чёрной и неподвижной. Тихая вода. Она вспомнила свои слова из прошлого: «Тихая вода это надежда. Я не верю в неё».

Ева закрыла глаза, прислонившись к холодному стеклу. Сон пришёл сразу, без промедления.

Ей снился Северов.

Он стоял на берегу чёрной реки, спиной к ней, в той самой куртке, что теперь носила Ева. Вода была неподвижной, как стекло.

Северов, позвала она. Я здесь.

Он не обернулся. Только поднял руку и указал вниз. Ева посмотрела в воду. В отражении, вместо её лица, было другое её собственное тело, лежащее на земле, с неестественно выгнутой спиной. Глаза открыты, но не видят. Рядом на коленях стояла маленькая фигурка с горящими зелёными глазами.

Мира.

Ева хотела закричать, но голос пропал. Северов медленно повернулся, и она увидела его лицо не то, которое забыла, а другое, новое, покрытое трещинами, как старая маска. Из трещин сочился чёрный туман.

Ты знаешь, сказал он голосом, похожим на скрежет льда. Ты всегда знала.

Ева проснулась в холодном поту.

За окном занимался рассвет. На стекле, на ледяном инее, проступил странный узор круг, перечёркнутый двумя линиями, и в центре огромный глаз. Ева смотрела на него, не моргая, пока иней не растаял под первыми лучами солнца.

Лихо, прошептала она. Ты здесь.

Рядом, на подушке, свернулась Кикимора. Она открыла один глаз, посмотрела на Еву, но ничего не сказала. Только когти её на секунду впились в простыню.

Ева встала, подошла к окну, провела пальцем по мокрому стеклу. Иней исчез, но отпечаток глаза остался на стекле, на её памяти, на чём-то ещё, что нельзя было назвать.

«Сегодня будет первый день, подумала она. Первый из последних».

Глава 1. Лихо Одноглазое

Труп нашли утром на пустыре за старым хлебозаводом. Мужчина, лет сорока, без видимых повреждений, но лицо его застыло в таком ужасе, что опытный эксперт отвернулся и вышел курить.

Третий за неделю, сказал участковый, протягивая Еве рапорт. Все как один глаза выжжены, лица перекошены. Врачи говорят, смерть от остановки сердца, но

Но?

Никто не знает, почему они умирают. На телах нет следов насилия, ядов, ничего. А глаза словно кто-то выжег их изнутри.

Ева присела на корточки рядом с телом, достала перо Гамаюн. Оно было тёплым, почти горячим. Она сжала его, и оно вспыхнуло не так ярко, как когда-то, но достаточно. Ева научилась зажигать его за эти два года.

На месте преступления есть странные следы? спросила она.

Один, участковый указал на асфальт. Вон там.

Отпечаток босой ноги. Огромный, в два раза больше человеческого. Пальцы длинные, неестественно растопыренные. И он не смылся дождь лил всю ночь, но след оставался чётким, будто вырезанным в камне. Кикимора прыгнула с плеча, обнюхала след, и её шерсть встала дыбом:

Лихо. Оно не просто убивает оно метит землю. Такой след не сотрётся никогда. Он будет ждать, когда ты вернёшься.

Что это? спросила Мира, стоявшая чуть поодаль. В её глазах загорелся холодный интерес.

Сущность, ответила Ева. Олицетворение злой судьбы. Оно показывает жертве её самый страшный конец, и сердце не выдерживает.

А почему оно здесь?

Кто-то его призвал. Или привлёк.

Ева поднялась, посмотрела на Миру. Девочка не выглядела испуганной скорее заинтригованной.

Мы остановим его? спросила Мира.

Остановим, сказала Ева. Но будь осторожна. Лихо не нападает прямо оно проникает в голову. Не смотри ему в глаз.

А если посмотрю?

Увидишь свою смерть.

Мира усмехнулась. Ева не поняла была ли это бравада или что-то более тёмное.

Они выслеживали Лихо три дня. Каждый раз, когда Ева приближалась, сущность исчезала, оставляя после себя только отпечаток ноги и запах горелой полыни. Жертвы продолжали умирать. Город охватила паника, люди боялись выходить на улицу после заката.

На третью ночь Ева нашла его. В заброшенном квартале, где стены домов были исписаны граффити, а асфальт потрескался от времени. Лихо стояло в центре пустой улицы, огромное, тощее, с кожей цвета старой кости. Единственный глаз горел в темноте, как раскалённый уголь.

Стой здесь, приказала Ева Мире. Не подходи.

Я могу помочь, возразила девочка.

Не в этот раз.

Мира сделала шаг вперёд, и Ева заметила в её руке нож тот самый, что когда-то принадлежал Северову. Девочка хотела защищать. Ева поймала её взгляд и покачала головой.

Стой, повторила она. Это моя битва.

Мира замерла, но нож не убрала. Ева шагнула вперёд, оставляя её за спиной. Лихо не двинулось, но его глаз расширился, и мир вокруг начал меняться.

Она стояла в капище. Том самом, где когда-то договаривалась с русалками. Вокруг горели чёрные свечи, и в центре, на алтаре, лежала Мира. Ева подошла ближе, протянула руку, но Мира открыла глаза зелёные, пульсирующие, чужие.

Ты хотела сделать меня сильной, сказала Мира голосом, в котором смешалось несколько тонов. Ты сделала меня слабой. А теперь я возьму своё.

Она поднялась, и в руке её блеснул нож нож Северова. Ева хотела отступить, но не могла: ноги приросли к земле. Мира шагнула к ней, занесла нож.

Нет! крикнула Ева, но Мира не слушала.

Удар пришёлся в спину. Ева услышала хруст сухой, отвратительный, как ломающиеся ветки. Боль ударила такой силы, что потемнело в глазах. Тело перестало слушаться, ноги подкосились, и она рухнула лицом в грязь. А потом она увидела себя со стороны лежащую на земле, с неестественно выгнутой спиной, и Миру, склонившуюся над ней.

Видение было таким реальным, что Ева закричала и тем самым вырвалась из морока. Лихо стояло в трёх шагах, и его глаз теперь смотрел на неё с удивлением. Глаз Лихо дёрнулся, пошёл трещинами. Из трещин хлынула тьма, и одноглазая фигура начала плавиться, перетекая в нечто иное крылатое, чешуйчатое, с пастью, полной игл. Аспид. Это была та же сущность, две её ипостаси.

Не сломаюсь прошептала Ева, поднимаясь на дрожащих ногах.

Она сжала перо Гамаюн, вкладывая в него волю, и оно вспыхнуло. Свет ударил прямо в глаз Лихо. Сущность завывала, заметалась, пытаясь спрятаться, но Ева не отпускала она шла вперёд, размахивая пером, пока глаз не начал плавиться, а тень Лихо не растворилась в воздухе.

Но перед тем, как исчезнуть, Лихо заговорило. Впервые подав голос скрежещущий, как битое стекло, как нож по камню:

Ты уже выбрала свою смерть. Ты просто не знаешь когда.

Ева замерла на секунду, но потом трянула головой и продолжила светить, пока последний ошмёток тени не растаял в рассветном сумраке. Остался только отпечаток ноги на асфальте. И запах горелой полыни, который не выветривался.

Мира стояла в стороне, где Ева велела. Не двигалась. Не помогала. Когда Ева подошла к ней, шатаясь от усталости, девочка смотрела на неё странно не с восхищением, а с холодным любопытством.

Ты справилась, сказала Мира. Я смотрела, как ты падаешь. Это было красиво.

Ева замерла.

Что?

Ты упала на колени, кричала. Я никогда не видела тебя такой. Живой, настоящей.

Мира, это было опасно. Я могла умереть.

Но не умерла же.

Мира пожала плечами и пошла к машине, не оглядываясь. Ева смотрела ей вслед и чувствовала, как что-то оборвалось. Не доверие та надежда, что Мира останется той девочкой из подвала. Она вдруг подумала о Ведане, которая писала ей с севера об артефакте, способном «лечить раны Морока». Может, если бы Ева нашла его раньше, она смогла бы выжечь тьму из Миры. А теперь поздно? Ева осталась стоять на пустыре, чувствуя, как в груди разрастается холод. Не тот, который приходит от сущностей. Тот, который приходит от понимания, что тот, кого ты любишь, перестаёт быть тем, кем ты его знала.

Ты заметила? тихо спросила Кикимора с плеча.

Что?

Она не помогла тебе. Стояла и смотрела.

Она ребёнок. Испугалась.

Нет, Кикимора покачала головой. Не испугалась. Смотрела. Как на спектакль.

Ева не ответила. Она пошла к машине, и каждый шаг отдавался болью в спине. Там, где в видении её ударили ножом, теперь ныло, будто настоящая рана.

«Это просто усталость, сказала она себе. Просто усталость».

Но она знала: это не так.

Через три дня Ева вернулась на то место. Отпечаток огромной ноги всё ещё был там. Дожди лили, дворники мели, но след оставался чёткий, как в первый день, будто сама земля запомнила прикосновение злой судьбы.

Ева долго стояла, глядя на него. Потом повернулась и ушла.

Он не сотрётся, сказала Кикимора.

Знаю.

Это предзнаменование.

Знаю.

Ева села в машину и уехала, оставив след позади. Но она знала, что он останется. Как напоминание. Как пророчество, которое она не могла забыть, как ни старалась.

Глава 2. Ломбард Кузьма

После истории с Лихом прошла неделя. Город затих, но тишина была тревожной как перед грозой. Ева сидела в машине, пила остывший кофе и смотрела на вывеску нового ломбарда. «Кузьма» крупные буквы, выкрашенные зелёной краской, которая в темноте светилась, как гнилушка.

Северов не любил такие места. Ева вспомнила его слова: «Если ломбард пахнет сладко там торгуют чужими судьбами». Сейчас она чувствовала только запах серы и сухих трав.

Не нравится мне это место, сказала Кикимора с плеча. Пахнет серой и ложью.

Мы здесь по делу, ответила Ева. Пропавшие люди. Их видели в последний раз рядом с этим адресом.

Люди? Кикимора фыркнула. Тут никто не торгует человеческим.

Мира сидела на заднем сиденье и вертела в руках маленькое зеркальце в серебряной оправе. Она нашла его на месте одного из старых дел и упростила Еву не выбрасывать. Ева не заметила в нём ничего опасного потускневшее стекло, старая оправа. Но сейчас, в свете уличных фонарей, ей показалось, что на секунду оно блеснуло ярче, чем должно было.

Мира, оставь зеркало в машине, сказала Ева.

Почему?

Потому что я прошу.

Мира нехотя положила зеркальце на сиденье и вышла следом. Ева заметила, как её взгляд скользнул по витрине ломбарда, за которой тускло поблёскивали старые монеты, потускневшие иконы и странные камни, похожие на те, что лежали в её сейфе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.